

К СТОЛЕТИЮ МАРКА ДОНСКОГО

О РОМАНТИКАХ, НЕОРЕАЛИСТАХ, ГОРОДСКИХ СУМАСШЕДШИХ, ВЛАСТЯМИ ОБЛАСКАННЫХ И ОБРУГАННЫХ...

Я пишу о моем отце, кинорежиссере Марке Семеновиче Донском, народном артисте СССР, Герое Социалистического Труда, лауреате многих Сталинских и Государственных премий, обладателе престижных наград различных Фестивалей и прочая... О человеке и творце настолько противоречивом, что критики, киноведы, журналисты, исследователи его работ высказывали совершенно противоположные суждения – от безусловного признания его как мэтра до резкого осуждения и его кино, и его жизненных и мировоззренческих позиций. Марк Донской и в самом деле был таким. Непредсказуемым, неуправляемым, с неуемным и бурным темпераментом.

Актер, режиссер и друг нашей семьи Родион Нахапетов, снимавшийся у отца, любил повторять сказанную кем-то весьма точно подводящую к нему математическую формулировку: обычный режиссер – это кубический корень от Марка Донского. Речь здесь, конечно, прежде всего о темпераменте и непостижимости поступков, хотя, вероятно, и о том, что называется одаренностью от Бога. Говорят, что Марк Донской был начисто лишен цинизма, расчетливости в поступках и творчестве, наивно верил в то, он хотел сказать в своих картинах. Могу подтвердить, что это так.

В прошлом веке в Париже...

В конце прошлого, то есть XX века, в столицу Франции меня пригласило общество «Независимые первого века», членами которого являются наследники великих имен, в основном, французских режиссеров и актеров; есть и иностранцы. В их число был принят и автор этих строк, и приглашение было связано с проводившейся тогда в парижском «Синема де синеаст» (нечто вроде нашего Дома кино, с той разницей, что и зритель с улицы может купить входной билет) ретроспективой «Немое кино великих мастеров звука». Демонстрировались ранние работы режиссеров, прославившихся в кинематографе современном, со звуком и цветом. У Марка Донского устроители выбрали неизвестную сейчас и, к счастью, сохранившуюся не то в белорусском, не то в украинском архиве немую ленту 1928 года «В большом городе». Это была экспериментальная работа совсем еще молодого отца совместно с Михаилом Авербахом, особого интереса не представлявшая. Герой ее – молодой поэт «из крестьян», приезжающий в Москву. К моему удивлению, зал был заполнен до отказа. На немом фильме какого-то Донского конца 20-х годов! Подходили ко мне постаревшие парижские кинокритики, писавшие об отце еще в 60-е годы, когда власти соизволи-

ли «выпустить» его за рубеж (до этого был невыездным). Парадоксальным образом отец был значительно более известен и чтим за рубежом, чем в родном отечестве.

«Не можно жидам та кацапам представлять за кордоном украинське мистецтво»...

Во время своей работы в Киеве (о том, почему отец был удален туда со студии имени Горького, речь впереди) Донской снял три фильма: неудачный документальный «Наши чемпионы», «Мать» по Горькому и «Дорогой ценой» по классике украинской литературы рубежа XIX-XX веков Михаилу Коцюбинскому. Эта лента об украинских Ромео и Джульетте была очень популярна на Западе, где шла под названием «Плачущая лошадь» и получила ряд наград. В нашей замечательной стране времен коммунизма лента не пришла по вкусу властям и была сослана на периферийный экран. Так вот, кажется, из Франции или какой-то другой страны Донскому пришлось приглашение приехать с фильмом. И вот тут высокий чин, ведавший кино, сказал отцу фразу, вынесенную в подзаголовок. И даже повторил ее дважды... Как отреагировал Донской? Навис над этим человеком и произнес потрясавшие слова, которые до сих пор вызывают гомерический хохот у тех, кто ее слышит: «С жидами – ладно, но с кацапами по-о-сторожней!!», – повернулся к ошарашенному чинуше и хлопнул дверью.

И эту «сентенцию», вошедшую в семейный архив преданий, произнес сын одесского еврея-печника, режиссер, впервые в советском кинематографе

поднявший тему «холокоста» в знаменитой сцене расстрела евреев в Бабьем Яре в фильме «Непокоренные»!

Городской сумасшедший, азокн вей...

Марк Донской непредсказуем. Городской сумасшедший с любимым словечком «Каздалевский», которое означало все что угодно – от похвалы до неприятия. Марк Донской, который, задумав поставить горьковскую трилогию, отправляется к самому писателю за согла-

сием. Как будто только с благословения Горького он мог бы начать съемки. Горький не благословил, отнюдь, а высказался в том плане, что, мол, не стоит ставить памятник при жизни. Донской снял «Детство Горького», «В людях», «Мои университеты» и еще до войны стал известным.

А еще до трилогии была «Песня о счастье», недавно показанная по телевидению и на фестивале архивного кино в Белых Столбах. Там получили первые звуковые роли Янина Жеймо и Борис Чирков, второй раз после знаменитой «Путевки в жизнь» прозвучал Борис Тенин. Первая звучная романтика Марка Донского, первое знакомство с моей будущей мамой Ириной... В звуке выстрелов... Однако по порядку.

34-летний женатик, малоизвестный чернявый «киношник» без памяти влюбился в 17-летнюю профессорскую дочку Ирочку и, выхвываясь перед девушкой, предложил ей сыграть в Вильгельма Телля. Он не придумал ничего лучшего, как положить ей на голову спичечный коробок и сбить его выстрелом из мелкашки. Да не просто, а с форсом, целясь через зеркало! Надо сказать, что отец действительно стрелял отменно – в молодости он увлекался стрельбой, боксом и футболом. Только в отличие от Ирочки ее отец, почтенный профессор Борис Эдуардович не пришел в восторг и отправился объясняться к Донскому, прихватив на всякий случай охотничье ружье. О, счастье! Хвастун-режиссер и солидный профессор с бородой быстро понравились друг другу. Вскоре отец развелся, оформил брак с мамой, а потом появился на свет и я.

Мама...

О маме надо сказать отдельно. Именно она сдерживала бурный нрав отца, смягчала все наши семейные отношения. Мама Ира была хранительницей домашнего очага. Бывало, отец ссорился с ней, но любил ее неизменно, понимая, что она золото, если уживается с ним... Он не раз говорил о том, что именно ей многим обязан в своем творчестве. Если бы не она, не было бы многих его картин... Мама была очень хорошим сценаристом, профессионально владела пером и становилась соавтором отца в работе над многими лентами: «Дорогой ценой», «Здравствуйте, дети», «Сердце матери», «Надежда». И пережила отца мама только на два с небольшим года...

Телеграмма Рузвельта и «отцовство» неореализма

В годы войны Марк Донской снял три с половиной картины. «Половинкой» можно считать новеллу из «Боевого сборника» 1941 года о том, как крестьянка зажигает крышу родной хаты, подавая сигнал красноармейцам. Три других фильма – «Как закалялась сталь», «Радуга» и «Непокоренные». Вокруг «Радуги» выросла легенда, будто она стала первым советским обладателем «Оскара» в игровом кинематографе. На самом деле

это был не «Оскар», но тоже очень престижная премия – Гильдии американских кинокритиков, причем статуэтка действительно издала немного похожа на знаменитого «дядюшку». Помню, отец вспоминал, что «дяди» из НКВД быст-

с права – Ирина Борисовна Донская

ренько заграбастали приз, и он остался у нас лишь в виде фотографии. Сейчас статуэтка нашлась и, хвала Господу, стоит в целости и сохранности в Музее Киевской студии имени Довженко.

Именно тогда, в 1944 году, теплую телеграмму отцу прислал сам Президент США Франклин Рузвельт. Вот ее текст: «В воскресенье в Белом Доме смотрели «Радугу». Я пригласил переводить ее посла Чарлза Болена. Но мы поняли картину и без перевода. Она будет показана американскому народу в подобающем ей величии. Ваш Франклин Делано Рузвельт».

По малости лет я не подозревал, что у нас в Америке живет многочисленная родня по отцовской линии. Но папа-то и мама прекрасно знали об этом. В годы сталинщины это было чревато, как и вообще «связи с иностранцами». Например, даже с Рузвельтом. Однако о телеграмме Донской рассказывал охотно, без опаски: как-никак союзники, честь для страны! Затем оказалось, что Марк Донской – не кто иной, как предтеча неореализма. Об этом говорили такие великие итальянцы, как Джузеппе де Сантис и Федерико Феллини. Имелась в виду горьковская трилогия и «Радуга» («шедевр, каких мало» – слова Сантиса). Здесь я вскользь отвечаю уважаемой критикессе Екатерине Кладо, которая в одной из статей вопрошала: кто это выдумал? Я назвал имена «выдумщиков».

Власти одаривают, власти бьют...

Кто бы мог подумать, что Иосиф Джугашвили, лично смотревший в те годы каждый советский фильм, выходящий на экран, разрешит оставить в «Непокоренных» пронзительную и жестокую сцену массового расстрела евреев!.. Однако чудо случилось. Диктатор имел прямое отношение и к следующему фильму Марка Донского «Сельская учительница». Первоначально лента по сценарию Марии Смирновой называлась «Воспитание чувств». Ее разругали в пух и прах на ка-

«12 апостолов советского кино»: В. Пудовкин, М. Чиаурели, Ю. Райзман, Б. Васильев, С. Эйзенштейн, С. Юткевич, М. Донской, А. Вак-Назаров, Э. Тиссэ, М. Ромм, А. Довженко, Е. Дзиган

... с семьей Горького. В центре – баронесса Будиберг

Donской Марк Семенович

СКН № 8 (92) 16 марта 2001 г.

К СТОЛЕТИЮ МАРКА ДОНСКОГО

... с Курасовой

... с Феллини

... с Клером

... с Бергманом

ком-то высоком студийном собрании. Отец спокойно выслушал хулу. А затем объявил шокированной аудитории, что накануне ему домой звонил лично товарищ Сталин, фильм ему понравился, он только просил изменить название на «Сельскую учительницу». Просьба, само

собой, была выполнена, а ругатели тут же мимикрировали в восторженных поклонников.

Значительно хуже повернулись дела со следующей картиной отца – «Алитет уходит в горы». Лаврентию Берии не понравилось, что в картине о становлении жизни чукчей совершенно не отражена роль Лучшего Друга кинематографистов и малых народов Севера. Санкции, которые последовали, по обычаям советской эпохи конца 40-х годов можно было еще считать милостью. Готовилось, но не вышло специальное постановление, и дело ограничилось изгнанием Донского со студии «Союздетфильм» и отсылкой его в Киев. Там ему несколько лет не давали работу. Но вскоре разрешили трудиться. Что до самой ленты, то сверху поступил приказ смыть сотни метров негатива. «Для меня картина погибла навсегда», – вспоминал отец. А ведь снимал ее сам Сергей Урусевский, талант которого Донской открыл еще в «Сельской учительнице». Главные роли играли Лев Свердлин, Андрей Абрикосов, Борис Тенин! Тот «Алитет», который показывают сейчас и который все же вышел на пятые экраны в те годы, – жалкое подобие замысла. Так он обречен и изгажен большевистской цензурой...

Еще не раз устраивали власти порку режиссеру, который верил этим самым властям, хотя как человек умный не мог не замечать жестокости и мракобесия тоталитаризма. Уже после возвращения при Хрущеве в Москву на любимую студию имени Горького отец увлекся работой вместе с писателем Федором Шамагоновым над сценарием о революционере Кедрове. Замысел не был воплощен, ибо при дорогом Леониде Ильиче исчезли даже упоминания о репрессиях и казнях миллионов людей в стране, «где так вольно дышит человек». Любопытно, между прочим, что из вышедшей тогда книги об отце исчез и его рассказ о судьбе картины «Алитет уходит в горы». Был и еще один загубленный фильм-диалогия о Федоре Шалапине. Многие годы отец работал над сценарием вместе с близким другом нашей семьи Александром Галичем. Когда режим вынудил Галича уехать в эмиграцию, было поставлено условие – выкинуть его фамилию из титров будущей ленты. Мой отец имел немало недостатков. Но он никогда не смог бы пойти на низкое предательство. Понятно, что работа над картиной (а на роль Шалапина актеры приходили пробовать буквально косяками) была немедленно свернута.

В последние годы жизни отца брежневщина вновь проявила подлость по отношению к нему. Мелко мстя за какие-то то ли лишние слова, то ли за что-то другое, не соответствующее в его поведении установкам власти, его вновь перестали пускать его за рубеж. Мама сетовала, что кто-то наверху сорвал им

обоим поездку по приглашению в Грецию. Престарелый режиссер, объездивший десятки стран мира и высоко чтимый там, опять, как и встарь, оказался «невъездным»...

Бред сумасшедшего от ЦК КПСС...

А теперь история, достойная пера Зощенко. Приведу цитаты из записки отдела пропаганды ЦК КПСС от 5 апреля 1968г.: «18 февраля по второй программе телевидения демонстрировался киноочерк «Здравствуйте, Марк Семенович!» о работе режиссера М.С. Донского с исполнителем роли Ленина артистом Нахапетовым. Фильм снят на киностудии имени Горького работниками профессиональной съемочной группы Донского... Авторы очерка проявили крайнюю бестактность, неуважение к образу В.И. Ленина. Вызывает чувство протеста манера обращения режиссера с актером, загроможденным под Ленина, поучения его, критика жестов, мимики, произношения, фамильярного похлопывания по щеке и т.д. (не сказали, что Донской и по лысине Нахапетова-Ленина бил легонько!.. – А.Д.). В гриме Ленина актер появляется на экране в нижней рубашке. В фильм включена реплика сцены, в которой Ленин произносит тост с рюмкой в руке. Показанный по телевидению киноочерк компрометирует идею воплощения образа Ленина в кинематографии».

Это сейчас подобный бред сивой кобылы, произведенный пропагандистскими верхами «ума, чести и совести нашей эпохи», не вызывает ничего, кроме хохота над идиотизмом эпохи. Но тогда наказания последовали одно за другим. Сняли кое-кого из телевизионного начальства. Объявили выговор председателю Комитета по радиовещанию и телевидению Месяцеву. А материалы, так или иначе связанные с Марком Донским, объявлялись табуированными на радио и телевидении, кажется, в течение года. Я тогда работал в китайской редакции радио, только-только перешел туда из ТАССа и успел по заданию редакции дать в эфир интервью с отцом. Его знали и в Китае.

Урусевский, Сагал, Массалитина, Епифанцев...

Марка Донского считали уникальным первооткрывателем талантов. Великая Варвара Массалитина, актриса «до боли» театральная, заблистала в кино именно в «Детстве Горького» и в картине «В людях». Там же раскрылись таланты Даниила Сагала и Льва Свердлина. Вера Марецкая и до «Сельской учительницы» уже была кинознаменитостью, но у Донского она сыграла еще и Пелагею Ниловну в фильме «Мать». А Жора Епифанцев, замечательный талантливый Жора, рано и нелепо ушедший из жизни, первую большую роль обрел в «Фоме

на съемках фильма «Надежда»

Гордееве». Его Фома стал предтечей лапшинского Прохора Громова в «Угрюм-реке».

Как Донской работал над фильмами...

Актерам, как правило, объяснял на словах, режиссер показывал, при этом на съемочной площадке его понимали все. Марк Донской – не философ, не мудрец, он снимал кино не рассудком, а нутром вкупе с фонтаном эмоций, идущих в русле безупречного вкуса. Добавлю – вкуса именно кинематографического, в быту отец совершенно не разбирался ни в одежде, ни в обуви, ни в чем другом, здесь удивительным образом вкус отсутствовал напрочь. В монтажной запомнил буквально все дубли и куски, приводя в замешательство даже многоопытных монтажеров.

Таков был Марк Донской. Мой отец. Друг де Сантиса, Жана-Поля ле Шануа, Стенли Крамера, Ежи Гоффмана, Леониды Утесова, Григория Чухрая, Акиро Куросавы...

Последнее, о чем хотелось бы сказать. Я с радостью открыл для себя в последнее время, что многие молодые люди, для которых наш кинематограф «от двадцатых до восьмидесятых» – уже далекая история, хотят раскрыть для себя страницы этой истории, узнать больше о творчестве и жизни таких людей, как Марк Донской. И, кстати, многие знают. Это хорошо.

Александр ДОНСКОЙ, киножурналист